

УДК 351/354**DOI: 10.34670/AR.2026.72.93.002**

Глобальные тренды и перспективы преодоления цифрового неравенства

Болдырев Олег Геннадьевич

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafpru@vtn.ranepa.ru

Подвальный Евгений Семенович

Доктор технических наук, профессор,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: nauka@rags.vrn.ru

Аннотация

Формирование глобальной архитектуры цифрового управления представляет собой один из наиболее значимых вызовов для ООН в XXI веке. В условиях асимметричного распределения сил и доминирования ограниченного числа транснациональных корпораций складывается ряд фрагментированных направлений, состоящих из множества разнонаправленных специализированных актов, рамочных документов и практических инструментов, что затрудняет процесс институционализации и ведет к конкуренции концептуальных подходов к цифровому управлению ведущих мировых держав.

Для цитирования в научных исследованиях

Болдырев О.Г., Подвальный Е.С. Глобальные тренды и перспективы преодоления цифрового неравенства // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 14-21. DOI: 10.34670/AR.2026.72.93.002

Ключевые слова

Цифровое неравенство, цифровая многополярность, кибербезопасность, «Цифровой Шелковый путь», глобальная архитектура цифрового управления, технологический суверенитет, искусственный интеллект, международное регулирование.

Введение

На сегодняшний день в научном сообществе выделяется три глобальных тренда в сфере цифрового управления, затрудняющих выработку универсальной модели и провоцирующих усиление цифрового неравенства: 1) фрагментация глобального цифрового управления; 2) смещение баланса между регулированием и инновациями в сторону последнего; 3) повышение роли IT-гигантов в цифровом управлении [Сытник, 2025].

Глобальное смещение центров технологической мощи в пользу нескольких государств представляет для ООН серьезный вызов в области формирования единой и согласованной повестки цифрового управления. В отсутствие единой модели Китай, США, Россия и Европейский Союз стремятся «экспортировать» собственные регуляторные подходы, закрепляя их в документах ООН и превращая национальные стандарты в элементы глобального «мягкого права» посредством осуществления технологической дипломатии [Леонов, Цветкова, 2025, с. 25].

Наиболее характерным маркером текущих проблем глобального цифрового управления выступает сложный процесс формирования международного регулирования вокруг искусственного интеллекта.

Основная часть

В рамках стратегии «двойного сдерживания» США последовательно реализуют политику ухода от цифровой многополярности в сторону ограниченного партнерства [Сучков, 2023, с. 7]. Приоритет отдается странам «Пяти глаз», основным странам-членам ЕС, Японии, Южной Кореи и Индии [America First Investment Policy, 2025]. Наиболее ярким проявлением такой политики является т.н. Пакт во имя будущего, содержащий Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact) с Декларацией о будущих поколениях и продвигающий американские цифровые стандарты [Генеральная Ассамблея ООН, 2024]. Следствием формирования «цифрового НАТО» становится усиление глобального цифрового неравенства в виде создания механизмов ускоренного допуска инвестиций от союзников и де-факто исключения из технологических и дипломатических процессов прочих стран [Леонов, Цветкова, 2025, с. 25].

В свою очередь, Китай, руководствуясь идеей Си Цзиньпина о главенствующем значении технологических инноваций в международной стратегической игре, выдвигает в качестве фундаментального положения тезис о справедливом распределении ресурсов и технологий, принятый резолюцией Генассамблеи ООН № A/RES/78/311 [Генеральная Ассамблея ООН, 2024].

Технологическая дипломатия Китая также основана на проактивном подходе. Проект «Технология кибербезопасности – основные требования к безопасности для службы искусственного интеллекта» выделяет юридические и технические методы обеспечения безопасности сервисов ИИ, где техническое направление подразумевает совершенствование систем шифрования данных, а юридическое предусматривает создание системы стратегического и скрытого патентования, направленной на формирование сети взаимосвязанных патентов вокруг основной технологии и маскировки технологического направления через дочерние компании. На практике это находит воплощение в виде стратегии «China Standards 2035», направленной на наращивание китайского участия в органах по стандартизации. Так, только за 2022 г. компания Huawei подала более 5000 технологических

предложений по стандартам в более чем 200 организаций по стандартизации.

Китай предлагает осуществлять последовательное выравнивание цифрового неравенства в рамках своей инициативы по замене устаревшего американского набора сетевых протоколов TCP/IP современной китайской системой маршрутизации данных - «New IP» [Hoffman, Lazanski, Taylor, 2020, с. 240]. Помимо технических аспектов, для Китая замена американского интернет-протокола завязана на вопросах обеспечения национальной кибербезопасности, включая возможности упрощенного отключения сетевых сегментов.

Политика продвижения на мировые рынки собственных интернет-протоколов реализуется в рамках «Цифрового Шелкового пути» и включает в себя финансирование, обеспечение инфраструктурой и обучение персонала заинтересованных стран, таких как Кот-д'Ивуар, Гвинея, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Южный Судан, Танзания, Замбия и Зимбабве. В рамках БРИКС КНР осуществляет координацию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области 6G, искусственного интеллекта и новых интернет-протоколов в рамках Исследовательского института будущих сетей.

В противовес действиям Трампа в сфере контроля за инновациями и принятой в 2020 г. инициативы Госдепартамента «Чистая сеть» Пекин предлагает странам мирового большинства бороться с технологическими монополиями с помощью открытости и развития решений на открытом ПО. Кроме того, иницируются расследования деятельности Google и американских производителей оптоволоконных изделий, направляются жалобы в ВТО [Дмитриев, 2025, с. 19].

Подход России к формированию глобальной архитектуры цифрового управления и преодолению цифрового неравенства представляет собой двухуровневую стратегию, сочетающую активное продвижение национальных интересов на международной арене с масштабными внутренними программами цифровой трансформации. На глобальном уровне Москва выступает за многополярную модель управления интернетом, основанную на принципах технологического суверенитета и равного доступа стран к цифровым ресурсам.

Внешнеполитический курс России в цифровой сфере строится на критике однополярной модели управления интернетом и продвижении идеи равноправного участия всех государств в принятии решений. Так, Москва указала, что резолюция Генассамблеи ООН о применении ИИ в военной области создает риски подрыва многосторонних усилий в рамках Группы правительственных экспертов, а критерий «ответственного применения» вкупе со ссылками на региональные инициативы не должны задавать стандарты для переговоров [Генеральная Ассамблея ООН, 2024]. На международной арене официальные представители РФ призывают к отказу от протекционизма, политически мотивированных ограничений и барьеров в доступе к технологиям и ресурсам. По мнению Москвы, такие инициативы, как Пакт во имя будущего, являются несбалансированными и содержат очень опасные положения, которые приведут к обратному эффекту и подорвут многосторонность и межправительственную природу ООН, поддерживаемую Уставом ООН.

Россия поддерживает диалог в рамках ООН и других многосторонних форматов, стремясь к созданию глобальной системы управления, учитывающей интересы всех сторон. Одним из основных столпов глобальной архитектуры цифрового управления Москва рассматривает Конвенцию ООН против киберпреступности, закрепляющую цифровой суверенитет государств над своим информационным пространством и выступающую основой для налаживания сотрудничества силовых структур в противодействии использованию киберпространства в преступных целях.

На двустороннем контуре Россия осуществляет тесное партнерство с Китаем. В совместном

заявлении 2016 г. лидеры двух стран закрепили принцип уважения государственного суверенитета в информационном пространстве, договорились совместно выступать против использования интернета для вмешательства во внутренние дела, разжигания розни или подрыва государственного строя, а также обязались предоставлять технологическую поддержку развивающимся странам для сокращения цифрового разрыва [Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР, 2016].

Параллельно с дипломатическими усилиями, Россия разворачивает масштабную практическую деятельность по интеграции стран Азии, Африки и Латинской Америки в орбиту своего цифрового влияния, предлагая помощь в установлении полного контроля над национальным информационным пространством для защиты от западного влияния и противодействия кибероперациям в рамках «цветных революций».

В условиях внешнего давления политика глубокой технологической кооперации смещается в сторону обеспечения технологического суверенитета, перестройки логистических и производственных цепочек. Это находит выражение в создании автономной интернет-инфраструктуры (Рунет), способной функционировать при отключении от глобальной сети, и совершенствовании законодательства в сфере локализации данных российских граждан на серверах внутри страны.

Для Европейского Союза проблема достижения технологического суверенитета стала в последние годы одной из центральных. Европейская комиссия по научным и технологическим исследованиям признает: ЕС отстает от США и Китая в технологиях с высокой степенью сложности, особенно в цифровых технологиях [Edler, 2024]. Обострение геополитической напряженности продемонстрировало уязвимость цепочек поставок и зависимость ЕС от внешних игроков в критических технологиях, создав фундаментальное напряжение между долгосрочным принципом открытости в науке, технологиях и инновациях, и новой потребностью в обеспечении независимости и защите от нежелательного внешнего вмешательства.

Ядро концепции технологического суверенитета ЕС составляет способность системы иметь надежный доступ к технологиям, которые она считает критически важными, без структурной, неконтролируемой зависимости от третьих стран. Технологический суверенитет нацелен на возможность общества и государства самостоятельно определять свою судьбу, реализовывать переход к зеленой экономике, обеспечивать безопасность и здравоохранение в соответствии с европейскими ценностями.

Политика открытой стратегической автономии представляет собой попытку примирить открытость и автономию, где открытость в торговле и сотрудничестве рассматривается как средство достижения автономии, позволяя ЕС влиять на глобальные правила и стандарты через так называемый Брюссельский эффект. В то же время, Еврокомиссия предупреждает о потенциальных ловушках стратегии, которые необходимо учитывать.

Во-первых, вмешательство государства в рыночные механизмы может привести к искажению рынка, неэффективности, фаворитизму и лоббизму. Во-вторых, снижение международного разделения труда может привести к фрагментации глобального рынка и появлению изолированных технологических блоков с разными стандартами. В-третьих, страны склонны выбирать один и тот же узкий набор критических технологий, таких как полупроводники и ИИ, что усиливает конкуренцию в этих нишах и приводит к запустению других, не менее важных областей, создавая эффект конвергенции и потери разнообразия. Наконец, расширительное толкование концепции технологического суверенитета создает риски

ее превращения в пространство лоббирования субсидий всеми секторами промышленности.

Результатом отсутствия координации между ведущими мировыми державами по вопросам регулирования ИИ стало решение ООН сконцентрироваться на единственном компромиссном направлении – науке. В 2025 г. решением Генеральной Ассамблеи ООН были образованы Независимая международная научная группа по ИИ и Глобальный диалог по управлению ИИ. Переход от преимущественно этического нормирования к формированию постоянно действующих механизмов научной экспертизы и политической координации предполагает изучение рисков и возможностей ИИ и регуляторных подходов в различных странах, что должно позволить увеличить потенциал межправительственного обсуждения вопросов регулирования в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта.

В центре американской стратегии находится стремление сохранить и даже усилить глобальное доминирование доллара в цифровую эпоху. Как отмечают Е.С. Леонов и Н.А. Цветкова, администрация Д. Трампа реализует политику, направленную не на создание полицентричной цифровой архитектуры, а на формирование обновленной однополярной модели, ориентированной на американское технологическое доминирование [Леонов, Цветкова, 2025, с. 25]. США стремятся контролировать процесс цифровой трансформации финансов, не допуская появления инструментов, которые могли бы подорвать их монополию на эмиссию и надзор.

Европейский Союз избрал принципиально иной путь, который исследователи характеризуют как «оборонительный суверенитет». В отличие от американского подхода, ориентированного на экспорт собственных правил, ЕС строит «цифровую крепость», устанавливая четкие барьеры для внешних игроков и активно разрабатывая законодательную базу для цифрового евро. Подход Брюсселя отличается высокой степенью технологической нейтральности и одновременно жесткостью в вопросах борьбы с отмыванием денег и обеспечением прозрачности транзакций.

Пекином цифровой юань рассматривается как ключевой инструмент для интернационализации национальной валюты и создания альтернативных каналов трансграничных расчетов, независимых от доллара и системы SWIFT [Худякова, Урумов, 2025, с. 33].

Российская Федерация, находясь под беспрецедентным санкционным давлением, рассматривает цифровые валюты прежде всего, как инструмент выживания и обеспечения финансового суверенитета. Принятые в 2024 году федеральные законы легализовали майнинг и разрешили использование цифровых валют в рамках экспериментальных правовых режимов для международных расчетов [Дюдикова, Куницына, 2025, с. 24]. Такая политика носит прагматичный и одновременно осторожный характер: с одной стороны, государство стремится создать легальные каналы для обхода санкций и обеспечения внешнеторговых операций, с другой – сохраняет жесткий контроль над внутренним обращением, запрещая использование криптовалют в качестве средства платежа внутри страны. Центральным элементом стратегии становится цифровой рубль, который, по замыслу властей, должен стать основой для независимой расчетно-платежной инфраструктуры, в том числе в рамках БРИКС.

Влияние IT-гигантов на международные отношения становится все более значимым. В условиях жесткой конкуренции за энергоресурсы разрабатываются стратегии переноса основных мощностей в третьи страны. Для этих целей китайские компании вкладываются в цифровую репутацию, а западные лоббируют ESG-стандарты [Сытник, Базлуцкая, 2025, с. 38-52].

Российские IT-компании также стремятся нарастить свое присутствие на рынке, что

подкрепляется государственным курсом на достижение технологического суверенитета. На международном уровне Россия призывает к формированию универсальных международно-правовых основ деятельности интернет-посредников на базе Устава ООН. В рамках заседаний Генассамблеи ООН российские представители последовательно указывают на «деструктивную деятельность» транснациональных IT-гигантов. Они обвиняют корпорации в том, что те, обладая монопольным доступом к глобальной аудитории, устанавливают непрозрачные правила модерации и применяют «теневые баны», что создает риски фрагментации цифрового пространства и ущемляет права пользователей [Russia points out destructive activities, 2025].

Заключение

Таким образом, современный этап развития международной валютно-финансовой системы характеризуется не унификацией, а углубляющейся фрагментацией, где цифровые валюты становятся не просто технологическим новшеством, а мощным инструментом геополитического и геоэкономического противостояния. Стремление ведущих держав к продвижению своих стандартов и технологий в качестве общемировых находится в зависимости от накопленного совокупного цифрового потенциала – реальных цифровых возможностей и сложившихся оценок их надежности со стороны внешних контрагентов. В этой связи декларируемое на Западе лидерство США в области цифровых технологий перестает восприниматься в качестве абсолютного.

Библиография

1. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция № A/RES/78/311 Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта / ООН. — 2024. — 01.07. — URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/311>
2. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция № A/RES/79/1 «Пакт во имя будущего» / ООН. — 2024. — 22.09. — URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>
3. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция № A/RES/79/239 Применение искусственного интеллекта в военной области и его последствия для международного мира и безопасности / ООН. — 2024. — 24.12. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4071348?v=pdf>
4. Дмитриев С.С. Неопротекционизм администрации Трампа 2.0: промежуточные итоги / С.С. Дмитриев // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69. — № 10. — С. 15-23.
5. Дюдикова Е.И. Криптовалютный рынок: институционализация, регулирование, вызовы / Е.И. Дюдикова, Н.Н. Куницына // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69. — № 9. — С. 16-27.
6. Леонов Е. Цифровая стратегия Д. Трампа: формирование гегемонии США или полицентричной архитектуры? / Е. Леонов, Н. Цветкова // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69. — № 10. — С. 24-33.
7. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства / Официальный сайт Президента России. — 2016. — 25.06. — URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5099>
8. Сучков М.А. Адаптивное лидерство в условиях «двойного сдерживания»: образ действия США в меняющемся миропорядке / М.А. Сучков // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67. — № 11. — С. 5-15.
9. Сытник А. Глобальные тенденции в области цифрового управления / А. Сытник // Российский совет по международным делам. — 2025. — 08.08. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnye-tendentsii-v-oblasti-tsifrovogo-upravleniya/>
10. Сытник А.Н. Парус при шторме / А.Н. Сытник, М.М. Базлуцкая // Россия в глобальной политике. — 2025. — Т. 23. — № 4. — С. 38-52.
11. Худякова Л.С. Финансовое сотрудничество стран БРИКС / Л.С. Худякова, Т.Р. Урумов // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69. — № 9. — С. 28-38.
12. America First Investment Policy / The White House. — 2025. — 21.02. — URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/america-first-investment-policy/>

13. Edler J. Technology Sovereignty of the EU: needs, concepts, pitfalls and ways forward / J. Edler // European Commission. — 2024. — URL: https://ec.europa.eu/assets/rtd/srip/2024/ec_rtd_srip-report-2024-chap-08.pdf
14. Hoffman S. Standardising the splinternet: how China's technical standards could fragment the internet / S. Hoffman, D. Lazanski, E. Taylor // Journal of Cyber Policy. — 2020. — Vol. 5. — N 2. — P. 239-264.
15. Russia points out destructive activities of some multinational IT corporations to UN / TASS. — 2025. — 05.11. — URL: <https://tass.com/economy/2039249>

Global Trends and Prospects for Overcoming Digital Inequality

Oleg G. Boldyrev

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vm.ranepa.ru

Evgenii S. Podval'nyi

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: nauka@rags.vrn.ru

Abstract

The formation of a global architecture of digital governance represents one of the most significant challenges for the UN in the 21st century. In the context of the asymmetric distribution of power and the dominance of a limited number of transnational corporations, a number of fragmented directions are emerging, consisting of many multidirectional specialized acts, framework documents, and practical tools, which complicates the process of institutionalization and leads to competition between conceptual approaches to digital governance among the leading world powers.

For citation

Boldyrev O.G., Podval'nyi E.S. (2026) Global'nye trendy i perspektivy preodoleniya tsifrovogo neravenstva [Global Trends and Prospects for Overcoming Digital Inequality]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 14-21. DOI: 10.34670/AR.2026.72.93.002

Keywords

Digital inequality, digital multipolarity, cybersecurity, "Digital Silk Road", global architecture of digital governance, technological sovereignty, artificial intelligence, international regulation.

References

1. America First Investment Policy. (2025, February 21). The White House. <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/america-first-investment-policy/>
2. Dmitriev, S.S. (2025). Neoproteksionizm administratsii Trampa 2.0: promezhutochnyye itogi [Trump Administration 2.0 Neo-Protectionism: Interim Results]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 69(10), 15-23.
3. Dyudikova, E.I., & Kunitsyna, N.N. (2025). Kriptovalyutnyy rynek: institutsionalizatsiya, regulirovaniye, vyzovy [Cryptocurrency Market: Institutionalization, Regulation, Challenges]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 69(9), 16-27.
4. Edler, J. (2024). *Technology Sovereignty of the EU: Needs, Concepts, Pitfalls and Ways Forward*. European Commission. https://ec.europa.eu/assets/rtd/srip/2024/ec_rtd_srip-report-2024-chap-08.pdf
5. Hoffman, S., Lazanski, D., & Taylor, E. (2020). Standardising the splinternet: how China's technical standards could fragment the internet. *Journal of Cyber Policy*, 5(2), 239-264.
6. Joint Statement of the President of the Russian Federation and the President of the People's Republic of China on Cooperation in the Development of Information Space. (2016, June 25). Official Website of the President of Russia. <http://special.kremlin.ru/supplement/5099>
7. Khudyakova, L.S., & Urunov, T.R. (2025). Finansovoye sotrudnichestvo stran BRIKS [Financial Cooperation of BRICS Countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 69(9), 28-38.
8. Leonov, E., & Tsvetkova, N. (2025). Tsifrovaya strategiya D. Trampa: formirovaniye gegemonii SShA ili politsestrichnoy arkhitektury? [D. Trump's Digital Strategy: Formation of US Hegemony or Polycentric Architecture?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 69(10), 24-33.
9. Russia points out destructive activities of some multinational IT corporations to UN. (2025, November 5). TASS. <https://tass.com/economy/2039249>
10. Suchkov, M.A. (2023). Adaptivnoye liderstvo v usloviyakh "dvoynogo sderzhivaniya": obraz deystviya SShA v menyayushchemsya miroporyadke [Adaptive Leadership under "Dual Containment": US Mode of Action in a Changing World Order]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 67(11), 5-15.
11. Sytnik, A. (2025, August 8). Globalnyye tendentsii v oblasti tsifrovogo upravleniya [Global Trends in Digital Governance]. *Russian International Affairs Council*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnye-tendentsii-v-oblasti-tsifrovogo-upravleniya/>
12. Sytnik, A.N., & Bazlutsкая, M.M. (2025). Parus pri shtorme [Sail in a Storm]. *Rossiia v globalnoy politike*, 23(4), 38-52.
13. UN General Assembly. (2024a, July 1). Resolution No. A/RES/78/311 "Strengthening international cooperation on capacity-building in the field of artificial intelligence." <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/311>
14. UN General Assembly. (2024b, September 22). Resolution No. A/RES/79/1 "Pact for the Future." <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>
15. UN General Assembly. (2024c, December 24). Resolution No. A/RES/79/239 "Application of artificial intelligence in the military field and its implications for international peace and security." <https://digitallibrary.un.org/record/4071348?v=pdf>